

Осборн М.
Мемфис, США
Энингер Д.
Айова, США

Osborn M.
Memphis, USA
Ehninger D.
Iowa, USA

МЕТАФОРА В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

Перевод с английского Т. Н. Зубакиной

Аннотация. Одно из лучших совместных исследований знаменитых американских специалистов по риторической метафорологии Майкла Осборна и Дугласа Энингера, впервые переведенное на русский язык. Первая публикация на английском языке — август 1962 года.

Ключевые слова: риторический дискурс; процесс метафоры; публичное выступление; интерпретант; ассоциация.

Сведения об авторах:

Осборн Майкл (1937 г. р.), доктор философии, профессор.

Место работы: Университет Мемфиса.

Энингер Дуглас (1913—1979 гг.), доктор философии, профессор.

Место работы: университет Айовы.

Сведения о переводчике: Зубакина Татьяна Николаевна, старший преподаватель.

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

e-mail: zoubakina@mail.ru.

THE METAPHOR IN PUBLIC ADDRESS

Translated from English by T. N. Zubakina

Abstract. One of the best joint studies of celebrated American specialists in rhetorical metaphorology Michael M. Osborn and Douglas Ehninger is for the first time translated into Russian. The first publication in English was in August 1962.

Key words: rhetorical discourse; process of metaphor; public address; interpretant; association.

About the authors:

Osborn Michael (b. 1937), PhD, professor.

Place of employment: the University of Memphis.

Ehninger Douglas, PhD; professor.

Place of employment: the University of Iowa.

About the translator: Zubakina Tatyana Nickolaevna, Senior Lecturer.

Place of employment: Urals Federal University (Ekaterinburg).

Несмотря на давний интерес к этой теме, остается определенный ряд важных, требующих исследования проблем рассмотрения метафоры в публичном выступлении. После констатации этих проблем авторы предлагают ряд теоретических определений, которые могут способствовать их решению. Кроме того, авторы рассматривают и риторическую дефиницию метафоры, ее элементы, структуру, а также процесс образования метафоры и гипотезы риторики речи о природе типичной метафоры.

Критики давно осознали проникновение метафоры в риторический дискурс и были озадачены тайной метафорического впечатления. Однако, несмотря на свой предмет исследования, им все-таки приходилось систематически задавать ряд интересных и важных вопросов, касающихся присутствия метафоры в публичном выступлении^[1].

Является ли метафора оратора, как это принято считать, орнаментом стиля или, как считают И. А. Ричардс и его последователи, категорией мысли?^[2]

Почему же все-таки некоторые метафоры воздействуют на аудиторию более захватывающим и незабываемым образом, чем другие?

Что определяет ряд мыслей, которые оратор может успешно воссоединить для метафорического сравнения?^[3]

Что значит, когда говорят, что слушатель «понимает» или «не понимает» метафору? Может ли одно и то же утверждение быть метафоричным для одного человека и неметафоричным для другого?

Можно ли метафору переводить в матрицу буквальных суждений, не теряя при этом никаких оттенков значения или чувства, свойственных этой фигуре?^[4]

Генерирует или отражает метафора замысел оратора? Является ли она регулирующей причиной или пассивным следствием отобранных и представленных для презентации материалов?

Какой эффект может оказать разносторонняя тематическая метафора на стиль и систематизацию дискурса?

Применимо ли понятие метафоры к невербальным, образным знакам так же, как и к вербальным?^[5]

Как метафора соотносится с символом, образом, аналогией, аллегорией, басней и мифом?^[6]

Почему некоторые темы и некоторые виды дискурсов «притягивают» метафоры в большей степени, чем другие?

До какой степени метафора может усиливать воздействие речи или очерка? Какие особые отношения у нее с видами художественного доказательства — этосом, пафосом и верой?

По каким основаниям (если таковые имеются) могут различаться поэтическая и риторическая метафора? Является ли риторическая метафора обособленным видом с уникальными особенностями и свойствами?

Эти и подобные вопросы манят того, кто изучает риторику. Но для того чтобы приблизиться к ответам на них, он должен быть вооружен более современным пониманием онтологии метафоры и знанием дескриптивной терминологии, то есть одновременно более всеобъемлющей и более точной, чем та, которую обычно используют сейчас в дискуссиях по данной теме.

Настоящая работа направлена на решение этих задач. Основанная отчасти на трудах философов, лингвистов и литературных критиков, которые рассматривали данную проблему, а отчасти — на предложенных нами формулировках, эта работа в первую очередь определяет теоретическую сущность метафоры под углом зрения риторики публичного выступления. Целью работы является рассмотрение поочередно дефиниции метафоры, процесса метафоризации (в который мы включаем элементы метафоры и ее структуру), степеней метафоры, а также гипотез, касающихся риторической метафоры. Эти аналитические задачи решаются на основе примеров метафоры, приведенных ниже.

1. *В то время, когда я сидел напротив скамьи министров в Палате общин, министры напоминали мне один из морских ландшафтов, совершенно обычных на побережье Южной Америки. Вы видите цепь потухших вулканов. Ни проблеска пламени ни на одном бледном гребне. Но ситуация все еще опасная. Случаются редкие землетрясения и время от времени раздается мрачный гул моря*^[7] (Бенджамин Дизраэли).

2. *Со своей стороны, глядя на будущее, я не вижу в перспективе никаких опасностей. Я не мог прекратить это, даже если бы хотел; никто не может прекратить это. Как Миссисипи — она просто течет. Пусть течет. Пусть течет полнокровным течением, неумолимым, безудержным, добросердечным к обширным землям и лучшим временам*^[8] (Уинстон Черчилль).

3. *Вы не сдавите чело труда этим терновым венцом, вы не распнете человечество на кресте из золота*^[9] (Уильям Дженнингс Бриан).

4. *Британская конституция — фундамент вашей независимости*^[10] (Уильям Питт).

Хотя дополнительные примеры расширили бы демонстрируемый диапазон возможностей метафоры, представленные примеры вполне соответствуют масштабу и вариативности нашей цели. Мы наблюдаем разные степени

сложности в метафорическом контенте и смысловых вариациях, в силе или воздействии без соответствующего объяснения. Более того, привлекая примеры более сильных и сложных метафор, мы в итоге получаем изначальное преимущество перед такими учеными, как И. А. Ричардс и Абраам Каплан, которые большей частью проводят свои исследования с относительно простыми фигурами речи.

ДЕФИНИЦИЯ МЕТАФОРЫ

Традиционно научные риторики предпочитали рассматривать метафору в ее отношениях с «областью» языка, и в итоге ограничивались семантическими дефинициями термина^[11]. Аристотель, например, писал: «Метафора заключается в приложении к одной вещи имени, которое принадлежит чему-то еще». Генри Пичем считал, что метафора — «искусственный перевод одного слова с правильного значения на другое, неправильное, но, тем не менее, близкое и похожее»^[12].

Хотя такие дефиниции не являются «неверными», мы можем поставить под сомнение их адекватность для объяснения того, что люди традиционно имели в виду, говоря о метафоре. В использовании этого слова подразумевается признание того, что метафора не просто знак, который обозначает что-то неординарное, обозначенное термином, а «многозначительное» использование знака для этой второй или замещающей цели. Однако когда добавляется фактор «многозначительности», должны приниматься во внимание слушатели, психологический агент — определяющий значение организм. По причине того, что работа этого психологического агента должным образом не исследована^[13], прагматическая дефиниция метафоры, необходимая для работы исследователей риторики в прагматическом ключе, появляется редко^[14].

Дефиниция, которая отражает как психологическую, так и лингвистическую природу метафоры, и является по этой причине более подходящей для риторики, могла бы быть примерно такой: метафора является как коммуникативным стимулом, так и ментальным откликом. Как стимул, метафора является идентификацией идеи или объекта через знак, который, как правило, обозначает совершенно другую мысль или другой объект. Как отклик, метафора является взаимодействием двух мыслей или интерпретантов^[15], один из которых возникает из обычного значения знака стимула, а другой — из особого значения в данном контексте. Такое взаимодействие интерпретантов обеспечивает основу для цикла «стимул — отклик», который является метафорой^[16].

В следующей части мы анализируем этот метафорический цикл «стимул — отклик», исходя из того, что мы под ним подразумеваем: случайность в значении. Наш анализ включает в себя прослеживание характерных процессов цикла, определяет эти процессы, как мы уже

сформулировали, через необходимые элементы возникновения метафор.

ПРОЦЕСС МЕТАФОРЫ

Процесс метафоры начинается со стимула, как мы только что его описали. В момент стимула адресат (конечно, это может быть сам оратор, реагирующий на свой собственный стимул)^[17] инициирует последовательность более-менее продуманного отклика. Эта последовательность отклика, часто называемая «интерпретацией», проходит три основные стадии: *ошибку (error)*, *головоломку-отскок (puzzlement-recoil)* и *резольюцию (resolution)*.

Стадия *ошибки* в интерпретации возникает из привычной склонности читателя-слушателя приписывать слову или фразе их буквальное значение. Такая тенденция совершенно естественна и способствует быстрому и достоверному общению, поскольку в большинстве случаев предполагается именно буквальное значение.

Однако, согласно нашей дефиниции, суть метафорического стимула состоит в использовании слова для обозначения предметов, мыслей или чувств, которые это слово обычно не обозначает. «Фундамент» в буквальном смысле слова относится к основанию здания, а не, как в примере из речи Пита, к инструменту правления. «Вулканы» относятся к горам, а не к кабинету министров, и т. д. По причине того, что эти слова сдвинуты со своих обычных и ожидаемых значений к новым и неожиданным значениям, первая интерпретация читателя/слушателя, вероятно, будет ошибочной.

Как только метафорическое выражение распознается, то есть как только читатель/слушатель осознает, что слово, о котором идет речь, не используется в его буквальном значении, стадия ошибки завершается. Такое распознавание может возникнуть по разным причинам. Чаще всего это понимание, что слово логически и эмоционально несовместимо со своим прямым вербальным или воспринимаемым контекстом. Какой бы, однако, ни была причина, если распознавание происходит, то интерпретация входит во вторую стадию — *головоломку-отскок*^[18].

Сбитый с толку ситуацией, при которой его ожидаемое им обычное значение перечеркивается, читатель/слушатель испытывает смятение, которое сопровождает неопределенность и отскакивает от нее. *Отскок*, в свою очередь, есть то начало, которое мотивирует его решать головоломку, созданную непривычным — использованием метафорического термина. *Отскок* — тот генератор энергии, который побуждает искать нужное понимание слова. С этого момента начинается третья стадия интерпретации — *резольюция*.

В стадии *резольюции* происходит самая важная часть работы метафорического отклика. Эта работа состоит в реконструкции определенных составных факторов, которые мы опишем ниже.

ЛОГИЧЕСКИ ПЕРВИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Мысли, или интерпретанты, от взаимодействия которых зависит метафорический отклик, конечно, должны иметь точки происхождения. Это должны быть мысли о чем-то. Этим логически первичным элементам, из которых берут начало мысли, мы даем названия «*субъект*» (subject) и «*элемент для ассоциации*» (item for association).

1. *Субъект (Subject)*. Источником первого из интерпретантов, которые вступают в метафорическое взаимодействие, являются ситуация, человек или объект «приложения метафоры» — то, что данная метафора «характеризует»^[19]. В терминах нашего определения «специальный денотат метафорического стимула в данном контексте» и есть *субъект*. Субъект, наделенный вербальной или ситуативной матрицей, в которую включен метафорический стимул, может быть как имплицитным, так и эксплицитным в данной матрице. В цитированных примерах «министры», «будущее», политика несеребряной монетной системы и «британская конституция» — субъекты соответствующих метафор.

2. *Элемент для ассоциации (Item for Association)*. Элементом для ассоциации, источником второго интерпретанта является та идея или предмет, с которым субъект ассоциируется посредством метафоры. Выступая обычным денотатом знака стимула, элемент для ассоциации — идея или предмет, который осуществляет процесс «описания», или «символизирования», который иллюстрирует, или «освещает» субъект. Элемент для ассоциации выявляет те качества, которые автор метафоры подразумевал, выбирая эту фигуру речи. В отличие от субъекта, элемент для ассоциации не задается контекстом или целью окружающего дискурса, а выбирается автором метафоры в рамках определенных ограничений. Поскольку элемент для ассоциации всегда в какой-то степени является результатом выбора, он может считаться «внешним источником» фигуры речи. Повторим: поскольку метафора отражает осознанный выбор оратора, она часто дает возможность сделать важные умозаключения об авторе метафоры или аудитории читателей/слушателей, кому эта метафора предназначена.

В наших примерах метафорические стимулы — «морской пейзаж», «Миссисипи», «терновый венец» и «фундамент» — сразу указывают на элементы для ассоциации.

ДУАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАНТЫ. Следует дать названия интерпретантам, которые происходят от означенных логически первичных элементов.

1. *Содержание (Tenor)*. Содержание — это субъект метафоры в понимании автора метафоры или адресата метафорического утверждения^[20]; это мысль о субъекте, или интерпретант субъекта, поддерживаемые участниками коммуникации. Если известно содержание субъекта адресата метафоры как до, так и после ее возникновения, а также намерение авто-

ра метафоры при подборе метафорического стимула, то можно сразу сказать, достигла ли метафора своей цели.

2. *Оболочка (Vehicle)*. Интерпретанту элемента для ассоциации, который непосредственно возникает из знака стимула, мы даем название «оболочка». Именно «мысль» субъекта метафоры (содержание) и «мысль» элемента для ассоциации (оболочка) своим смысловым взаимодействием психологически определяют появление и смысл метафоры^[21]. Чтобы проще представить эту фазу взаимодействия, мы можем сказать, что она возникает по линиям ассоциации (*lines of association*), которые существуют между содержанием и оболочкой.

ОПРЕДЕЛИТЕЛИ (*QUALIFIERS*). *Определители (Qualifiers)* — силы, которые формируют линии ассоциации и, следовательно, определяют, как интерпретанты ассоциируются читателем/слушателем; определители предлагают, или направляют, понимание метафоры^[22]. Определители дают уверенность, что ассоциативный процесс, при котором оболочка связывается с содержанием, не пойдет наудачу, что автор метафорического стимула с большей или меньшей степенью точности может предсказать тот смысл, с которым его фигура будет воспринята.

Можно выделить четыре класса определителей:

1. *Контекстуальные определители (Contextual Qualifiers)*. Определители, происходящие из лингвистического или ситуативного контекста, в котором возникает метафора, мы называем контекстуальными.

В метафоре «он был как лев в бою» сочетание «в бою» — контекстуальный определитель. Это выражение объясняет или определяет стимул «лев» так, чтобы направить внимание читателя/слушателя к тем конкретным свойствам элемента для ассоциации, которые присущи задуманному значению — смелости, силе, свирепости и т. д. В то же время не принимаются во внимание такие качества, как наличие шерсти, рыжий окрас и т. д., которые неуместны. В вышеприведенной цитате Черчилля контекстуальными определителями «Миссисипи» являются вербальный, или активный, смысл «течет», адъективный смысл «неумолимым» и «безудержным», номинативные ассоциации «обширным землям» и «лучшим временам». В совокупности эти термины определяют метафору, предлагая нам, как следует реагировать на стимул «Миссисипи».

Контекстуальные определители в примере Черчилля также иллюстрируют особый класс определителей, которые мы называем *расширения (extensions)*. Расширения выступают в качестве распространения или проецирования элемента для ассоциации. Расширения, которые обычно можно найти в череде сильных и поразительных стимулов, добавляют ясность, направление и определенное картинное качество метафорическому впечатлению. В приме-

ре из Дизраэли предложения «*Вы видите цепь потухших вулканов. Ни проблесков пламени ни на одном бледном гребне. Но ситуация все еще опасная. Случаются редкие землетрясения...*» и т. д. образуют расширения элемента для ассоциации, обозначаемого стимулом «морские ландшафты». При помощи подобных расширений Дизраэли определяет особые свойства «морских ландшафтов», которые привели его к выбору этого элемента для ассоциации и к созданию именно этого метафорического стимула.

В окончательном виде контекстуальный определитель находится внутри самой метафоры и должен быть объяснен с точки зрения различия между тематической и малой метафорами.

Некоторые метафорические стимулы оказывают влияние через отклик (*response*), который они получают не только в том фрагменте, в котором употребляются, но и расширив символические поля для оказания определяющего влияния на фрагменты, достаточно удаленные от их непосредственного окружения; они могут даже определять весь дискурс, частью которого являются. Например, в процитированной выше речи Черчилля «будущее» является не только субъектом метафоры, но и лежащей в основе главной мыслью всего выступления. Подобным образом в хорошо известной речи Уильяма Питта «Об отмене торговли рабами» яркая метафора света и тьмы, развернутая в выводе, делает эксплицитным символ, который неявно присутствует во всем дискурсе^[23]. Метафоры типа черчиллевской «Миссисипи» или «света и тьмы» Питта, имеющие расширенные символические поля, могут рассматриваться как *тематические (thematic)*. Метафоры с ограниченным влиянием или те, которые повторяют или подготавливают тематическую метафору путем участия, прямого или косвенного, в элементе для ассоциации этой метафоры, называются *малыми (minor)*.

По причине того, что тематические метафоры, по определению, имеют распространенные тематические поля, а малые метафоры иногда вторят им или подготавливают тематическую метафору, участвуя в ее элементе для ассоциации, оба вида метафор могут выступать в качестве контекстуальных определителей.

2. *Определители общности (Communal Qualifiers)* возникают не из лингвистического или окружающего контекста, в который включен метафорический стимул, а из суммы знаний — общего опыта, традиций или обычаев той публики, которой направлен стимул. Эти определители отражают склонность членов культурной группы откликаться на определенные стимулы предопределенным способом либо от того, что частое использование данных стимулов стало лингвистической условностью, либо потому, что принятая интерпретация была впечатана в их память авторитетным источником.

Пример воздействия, которое определители общности могут оказывать на ожидание чи-

тателя/слушателя, предоставляет известное наблюдение Джорджа Кэмпбелла: мы полностью поддерживаем выражение «источник сатиры» (буквальный перевод — «вена сатиры»), но использование сходного слова «артерия» приводит нас в замешательство^[24].

3. *Архетипические определители (Archetypal Qualifiers)*. Определители, которые выходят за данные временные или культурные рамки и зависят от опыта людей многих рас и возрастов — опыта, оживляемого каждым поколением заново — мы называем архетипическими.

Оказывается, как класс архетипические определители возникают из ситуаций, которые глубоко волнуют людей. В результате эти определители осуществляют четкое регулирование того, как люди думают и что чувствуют. Более того, представляется, что такие определители большей частью основаны на всепроникающих и общих отношениях — контраст между верхом и низом, светом и тьмой, войной и миром, землей и морем и т. д.

Хотя общий культурный опыт и традиции, которые устанавливают определители общности, могут помочь предопределить интерпретацию этих более фундаментальных архетипических отношений, финальным фактором в «фиксировании» нашей интерпретации этих определителей является наше индивидуальное и невыражаемое словами впечатление об их присутствии. Итак, когда Иисуса называют «светом» мира или когда утверждают, что коммунизм свергнет мир в «темноту», «свет» и «тьма» несут значения, которые, возможно, не поддаются выражению; они каким-то образом являются более важными и одновременно более глубокими и универсальными, чем значения, которые задаются определителями общности.

Различие между определителями общности и архетипическими далее иллюстрируется тем фактом, что стимулы, которые производят отклики с доминированием определителей общности, зачастую прекращают быть метафорическими. В результате продолжительного использования их метафорическая сущность разрушается, и они становятся простыми указательными знаками тех субъектов, к которым прилагаются. Примером могут служить так называемые мертвые метафоры, такие как «ножка стола» или «подлокотник кресла». С другой стороны, стимулы, которые выводят на сцену архетипические определители, обычно имеют длительную историю использования для произведения метафоры и предвещают стимулу вечное поддержание метафорической сущности. Постоянное использование может делать их привившимися, избитыми: например, «отец страны» — избитая метафора. Однако это не полностью ассимилирует их в число источников буквальных или указательных знаков общности.

Для оратора, который ищет способы сильного воздействия на аудиторию в течение длительного периода времени, метафорические

стимулы, которые играют значительную роль для архетипических определителей, подобны вложениям в золото, на чью стабильную цену биржевик может положиться в долгосрочных вложениях.

4. *Частные определители (Private Qualifiers)*. Определители, используемые читателем/слушателем исключительно на основе личных или субъективных ассоциаций, мы называем частными.

Хотя частные определители могут помочь определить интерпретацию любого полученного метафорического стимула, наиболее важными они, очевидно, являются в случае с радикальными метафорами, т. е. стимулами, которые поддерживают необычные или неожиданные отношения.

Частные определители «допечатывают» к метафоре уникальное значение. И даже когда определители общности, контекстуальные и архетипические определители объединяются для создания в высшей степени всеобщего восприятия, частные определители дают возможность личности наложить отпечаток своих собственных интерпретаций на фигуру речи^[25].

РЕЗОЛЮЦИЯ (RESOLUTION)

Субъект, элемент для ассоциации, содержание, оболочка и определители являются, по нашему предложению, необходимыми составными частями метафорического отклика, встречающимися в резолюции. Гипотезу о структурных отношениях, существующих между этими частями, а также их взаимодействии в процессе создания «метафорического значения» возможно для большего удобства представить в форме диаграммы^[26] (см. рис. 1).

Связь между интерпретантом субъекта (*содержанием/tenor*) и интерпретантом элемента для ассоциации (*оболочкой/vehicle*) устанавливается реципиентом вместе с *линиями ассоциаций (lines of association)*, установленными *определителями (qualifiers)*. В результате этого взаимодействия читатель/слушатель приходит к метафорическому значению, которое, в сущности, является отношением и/или утверждением касательно субъекта.

В связи с предполагаемой относительно доминантной ролью, которую играют контекстуальные определители в нашем отклике на метафорический стимул, на диаграмме одна из линий ассоциации нарисована более жирно, в отличие от двух других, и занимает центральное положение. Если определители к тому же являются *расширителями (extensions)*, их роль в управлении значением является, несомненно, более яркой и более четко выраженной.

Процесс резолюции. В части, расположенной выше и озаглавленной «Процесс метафоры», вступление в стадию резолюции следует у нас непосредственно за стадией отклика. Здесь необходимо остановиться, чтобы понять, с чем мы столкнемся на этой стадии, а именно: с основными элементами, их источниками, дейст-

вующими на них силами и структурными отношениями между ними. Теперь мы завершим

наше описание, показав, как эти части функционируют на стадии резолюции.

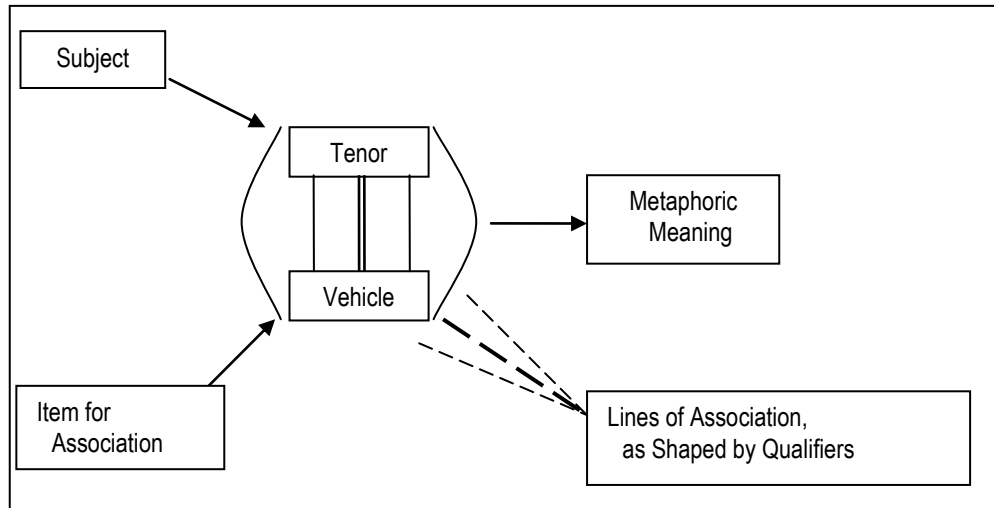

Рис. 1

ПРОЦЕСС РЕЗОЛЮЦИИ. В части, расположенной выше и озаглавленной «Процесс метафоры», вступление в стадию резолюции следует у нас непосредственно за стадией отклика. Здесь необходимо остановиться, чтобы понять, с чем мы столкнемся на этой стадии, а именно: с основными элементами, их источниками, действующими на них силами и структурными отношениями между ними. Теперь мы завершим наше описание, показав, как эти части функционируют на стадии резолюции.

Резолюция может произойти мгновенно и почти автоматически или занять много времени и усилий. В любом случае этот этап начинается с *внутренних размышлений (insight)* читателя/слушателя, при этом не требуется идентифицировать «министров» с «вулканами» или «Миссисипи» с «будущим», как произошло бы при буквальном использовании этих терминов. Читателю/слушателю надо только найти ассоциацию, основанную на косвенных или фигуральных отношениях, которые два предмета имеют друг к другу. По этой причине, побуждаемый отскоком (*recoil*), извлекая ключ из своих внутренних размышлений, читатель/слушатель продолжает применять уместные определители общности, контекстуальные, архетипические и частные определители так, чтобы выстроить линии ассоциации между содержанием (*tenor*) и оболочкой (*vehicle*). Линии ассоциации вовлекают интерпретанты в соответствующую смысловую и/или эмоциональную связь, сокращая или ликвидируя, таким образом, *напряжение (tension)*, вызванное их начальной внешней диспаратностью.

В центре резолюции находится ассоциация. Соотнося различные мысли, объекты или качества, реципиент (*receiver*) сокращает семантическую дистанцию между ними, и они оказываются в зоне близости значений, достаточной, чтобы была узнаваема их общая база, или основа. Из этой общей основы возникает интерпретированное значение^[27].

Результат, которого достигает резолюция, может быть проиллюстрирован вариацией диаграммы, представленной ранее^[28] (см. рис. 2).

СТЕПЕНИ МЕТАФОРЫ

Как уже отмечалось в начале, некоторые метафоры поражают аудиторию своей необычностью и силой, они «метафоричнее» других. Метафора Питта «Британская конституция — фундамент вашей независимости» явно содержит метафорический стимул. Представляется, что данный стимул не столь сильнодействующий, как тот, что содержится в метафоре Бриана «Вы не сдавите чело труда этим терновым венцом...».

Косвенно уже предлагались две причины такого явного различия в «метафоричности». Во-первых, метафора может оказывать большее или меньшее эмоциональное воздействие и иметь большую или меньшую сферу влияния в дискурсе (большее или меньшее символическое поле) в соответствии с классом определителей, который она выявляет. Метафорические стимулы, первичной целью которых является скорее продемонстрировать, чем приводить в движение, и резолюция которых прежде всего зависит от контекстуальных определителей и определителей общности, часто бывают слабее^[29]. С другой стороны, фигуры речи, эксплуатирующие архетипические или частные определители, часто оказывают глубокие эмоциональные и интеллектуальные впечатления.

Второй источник силы, видимо, кроется в природе самого стимула. Он состоит в степени удивления или «шока», испытываемого читателем/слушателем, когда он впервые сталкивается с отношением между субъектом и элементом для ассоциации, которое, как утверждается, якобы существует. Чем неожиданнее и необычнее это отношение, т. е. чем больше семантическая дистанция между субъектом и элементом для ассоциации, тем более неопределенными являются линии ассоциации и более на-

пряжены ассоциативные связи, необходимые для того, чтобы удерживать рядом расходящиеся элементы. В результате в новой, радикальной метафоре присутствует высокое напряжение, и когда это напряжение внезапно ослабляется проникновением в подразумеваемое значение, метафора, подобно тетиве туго натянутого лука, отпускает стрелу своего глубинного значения^[30].

Если натянуть тетиву слишком сильно, свя-

зи обрываются, и метафора падает в сторону, как лишенная смысла. С другой стороны, в старых или устоявшихся метафорах ассоциативные связи являются короткими и слабыми. Утверждение, что метафора является «мертвой» — метафорическое же указание на то, что ассоциативные линии атрофированы или сокращены до той точки, когда содержание и оболочка соединяются в простой обозначающий знак (см. рис. 3—5).

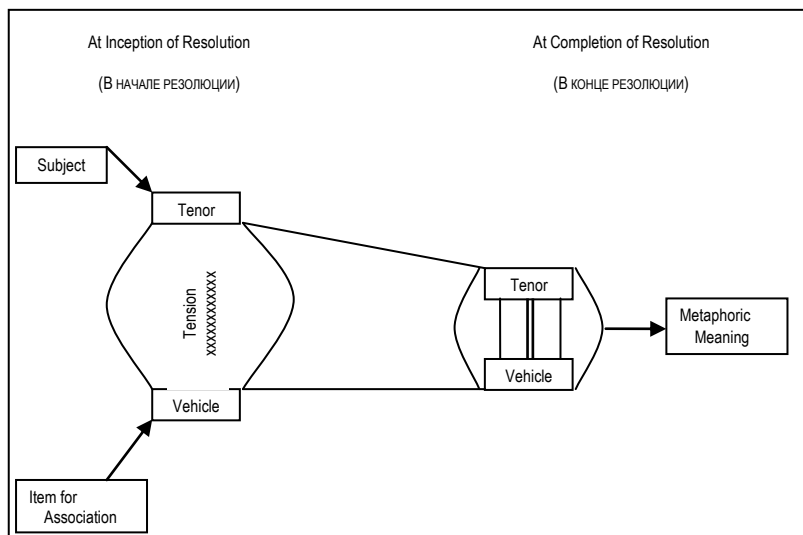

Рис. 2

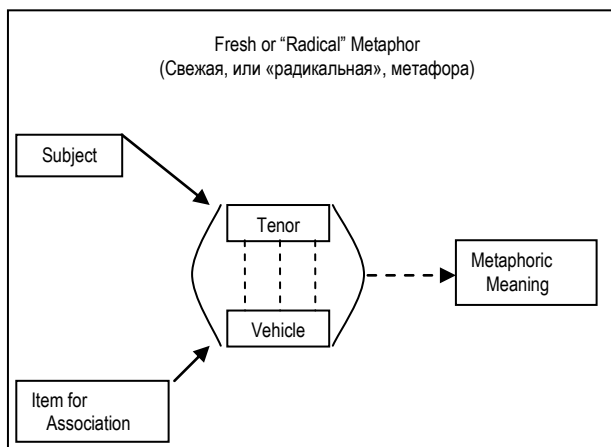

Рис. 3

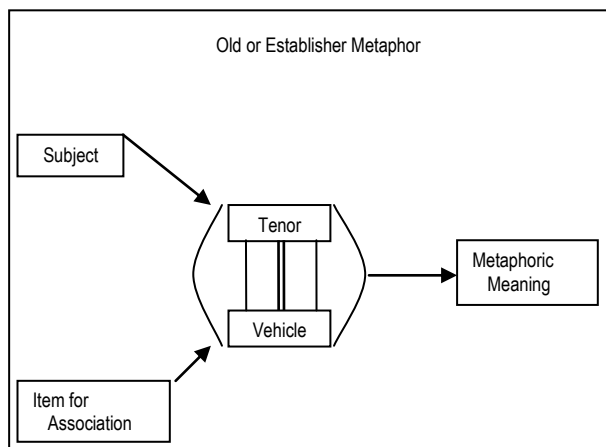

Рис. 4

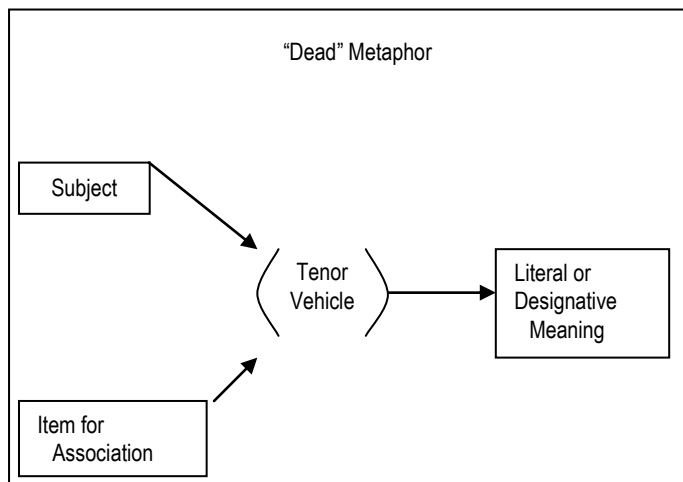

Рис. 5

МЕТАФОРА В РИТОРИКЕ

Некоторые из предшествующих формулировок с предложенными терминами предлагают гипотезы, которые могут способствовать изучению природы метафоры, типичной для риторики публичного выступления^[31].

1. Метафора в риторике формируется тремя условиями, присущими риторическому акту.

Во-первых, поскольку оратор общается с аудиторией для того чтобы достичь скорее общего отклика, чем стимулировать чье-то частное воображение или индивидуальную реакцию, метафорические стимулы оратора обычно направлены на простые реакции аудитории. Произведение более сложного индивидуально-впечатления, в принципе возможное, является редкостью.

Во-вторых, поскольку оратор обычно желает вызвать быструю, а не замедленную реакцию, у него существует стремление получить готовый, почти автоматический отклик. Он лишен слушателей, настроенных на продолжение выступления, они не располагают временем для неторопливой интерпретации. Таким образом, метафорические стимулы в риторике обычно бывают с «коротким фитилем».

В-третьих, в риторике у типичной метафоры подготовительные стадии ошибки и головокружки-отскока раздвинуты или ослаблены. Оратор старается не рисковать со стадией ошибки, так как она легко может сохраниться в подлинной головоломке, что в итоге способно обернуться против значения, задуманного оратором. К тому же, по причине нехватки времени, внимание должно направляться к скорейшей резолюции.

2. Можно найти в риторике (даже в «хорошей» риторике) необычно большой запас метафорических стереотипов — стимулов, которые приводят в действие хорошо известные определители общности. Такие общепринятые стимулы делают понимание не только быстрым и легким, но могут также являться эффективным средством возбуждения эмоций.

3. Если оратор отважится выйти за рамки стереотипа, его метафорический стимул, скорее всего, будет контролироваться контекстуальными определителями, которые быстро направляют аудиторию к метафорическому значению утверждения оратора. Требуется большое искусство в обращении со «свежими» метафорами в риторике, поскольку, как отмечал Аристотель, оратор должен управлять интерпретацией, не показывая, что делает это^[32]. Поэтому в те редкие моменты, когда свежая и запоминающаяся метафора появляется в публичном выступлении, мы должны ценить не только свойственный метафоре внутренний смысл, но и умение оратора, не лишая воспринимающих радости интерпретации, управлять ею.

4. Будучи существенными элементами контроля метафорического значения, расширители выполняют важные функции для опытного оратора.

Они служат для того чтобы ограничить незапланированные интерпретации представителями аудитории с более богатым воображением, а также стимулировать процесс интерпретации у не обладающих воображением слушателей. Расширители важны также и тем, что увеличивают для всей аудитории время, отводящееся на обдумывание смысла и значения метафорического суждения. В конце концов, подтверждая через толкование соответствие элемента для ассоциации субъекту, расширители служат чем-то вроде внутренней алхимии, призванной сделать саму метафору аргументом в защиту самой себя.

5. Метафорические стимулы риторики часто выводят на сцену определители архетипического класса. Подобные стимулы являются наиболее сильными из тех, что может вызвать оратор, так как они не только усиливают эмоциональное воздействие речи, но и наверняка солидаризируют аудиторию с целью оратора и обращают слушателей против того, чему он противостоит.

6. Риторическая ситуация, в отличие от поэтической, имеет тенденцию к приуменьшению роли частных определителей в создании метафорического значения. Несмотря на то что частные определители часто находятся на периферии, когда слушатель реагирует на риторическую метафору, стимулы оратора редко напрямую направлены на их возбуждение. Действительно, минимизация роли частных определителей в риторике может быть важной отправной точкой в попытке отличить риторическую метафору от метафоры в поэтическом дискурсе^[33].

Эти гипотезы, касающиеся характеристик риторической метафоры, приводят наш анализ к следующему выводу. Метафора в риторическом дискурсе может быть сложным лингвистическим механизмом, который является и результатом, и источником значительно более сложного ментального впечатления. По причине этого двойного основания существование метафоры в риторике делает особенно спорными и важными те проблемы, которые были подняты в начале этой статьи. Если наша попытка их решения побудит других продолжить теоретическую работу в том же направлении, наша цель будет достигнута.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Среди лучших описаний метафоры, данных полностью или частично с точки зрения риторики, мы бы назвали следующие: Aristotle, *Rhetoric*, 1410b-1413a (cf. *Poetics*, 1457b - 1461a); Quintilian, *Institutio Oratoria*, VIII, vi, 4-18; pseudo-Longinus, *De Sublimitate*, xv-xviii, xxxii-xxxviii; George Campbell, *The Philosophy of Rhetoric* (London & Edinburgh, 1776), Book III, Ch. 1, Sec. 2; Henry Home (Lord Kames), *Elements of Criticism* (Edinburgh, 1762), Ch. XX, Sec. 6; Kenneth Burke, *Permanence and Change* (Los Altos, Calif., 1954), pp. 90-120. 193-215, 258ff; I. A.

Richards, *The Philosophy of Rhetoric* (New York, 1936), pp. 89-114.

[2]. Richards, *The Philosophy of Rhetoric*, pp. 30-36, 90-94; cf. Walter J. Ong, S.J., "Metaphor and the Twinned Vision," *Sewanee Review*, LXIII (Spring 1955), 193-201. Для критики этой точки зрения см. Abraham Kaplan, "Referential Meaning in the Arts," *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, XII (June 1954), 472.

[3]. См.: Max Reiser, "Analysis of Poetic Simile," *Journal of Philosophy*, XXXVII (April 11, 1940), 213; Walker Percy, "Metaphor as Mistake," *Sewanee Review*, LXVI (Winter 1958), 79-99.

[4]. См.: Scott Buchanan, *Symbolic Distance* (London, 1932), pp. 26-32; cf. Ruth Herschberger, "The Structure of Metaphor," *Kenyon Review*, V (Summer 1943), 433.

[5]. Kaplan, p. 469; William Empson, *The Structure of Complex Words* (Norfolk, Conn. N.d.), p. 344.

[6]. См.: Joshua C. Gregory, "Metaphor and Analogy," *Fortnightly Review*, CMLXXXVIII, N.S. (April 1959), 260-267; cf. Friedrich Max Müller, *The Science of Language* (New York, 1891), II, 448ff; Cleanth Brooks, "The Language of Paradox," *The Language of Poetry*, ed. Allen Tate (Princeton, 1942), p. 45.

[7]. Lord Beaconsfield [Benjamin Disraeli], "Conservatism," *A Library of Universal Literature*. P. III, *Orators of Great Britain and Ireland* (New York, 1900), pp. 174-214.

[8]. Winston S. Churchill, "The War Situation, I," *Blood, Sweat and Tears*, ed. Randolph S. Churchill (New York, 1941), p. 351.

[9]. *Speeches of William Jennings Bryan*. Revised and Arranged by Himself (New York, 1909), II, 249.

[10]. William Pitt, "The Rupture of Negotiations with France," *Select British Eloquence*, ed. Chauncey A. Goodrich (New York, 1852), p. 603.

[11]. Основная функция дефиниции, как мы предполагаем, заключается в установлении четких границ концепта, идеи или сущности, которые в действительности указывают, что такое определяющее и чем оно не является. Таким образом, когда кто-то дает дефиницию, он размещает определяющее в некую «область» отношений, а потом определяет его отличие от других элементов этой «области».

Отсюда, решающим элементом дефиниции является «область». Когда кто-то меняет «области», он также меняет дефиницию. При этом новое и несходное видение открывает новый и несходный аспект определяющего.

[12]. *Poetics*, 1457b; Henry Peacham, *The Garden of Eloquence* (1593), ed. William G. Crane (Gainesville, Fla., 1954), p. 3.

[13]. В ходе долгой работы над этой проблемой лорд Кеймс, очевидно, был среди первых, кто ясно осознал важность ответа на вопрос, что есть метафора. «Метафора, — говорил он, — это акт воображения, представляющий один объект как другой» (Кеймс. Указ.

соч.^[1]). Но Кеймс, — чья природная проникаемость, между прочим, была в значительной степени недооценена такими авторами, как Ричардс и Клинт Брукс, — погрузился в изучение проблемы, которое существенно изменило его изначальное предположение. Определив метафору как ментальное явление, Кеймс далее делал научные описания и прогнозы, как если бы она была лингвистической единицей, создавая тем самым непреодолимое глубокое расхождение между его изначальным представлением этой фигуры речи и набором правил и исключений, предложенных, чтобы регулировать использование метафоры. По-видимому, не понимая этого, Кеймс показал неизбежный дуализм метафоры — свидетельство того, что она включает в себя как психологическое, так и лингвистическое начала, причем ее сущность выводится не из одноаспектного, а из двуаспектного понимания.

Изучение дефиниций метафоры, включая новейшие, показало бы, что, за отдельными исключениями, все они наталкивались на рифы, которые погубили Кеймса. Либо эти дефиниции становились узко-односторонними, ограничивая функционирование метафоры лингвистическим «полем», игнорируя «поле» «слушатель — отклик», либо они безуспешно интегрировали «двуполярные» отношения в единое всеобъемлющее представление о процессе метафоризации. (См., напр., Gustaf Stern, *Meaning and Change of Meaning*. Göteborgs Högskolas Arsskrift, XXXVIII (1932); Philip Wenger, *Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens* (Halle, 1885). Pp. 45-54; Heinz Werner, *Die Ursprünge des Metapher* (Leipzig, 1919). *Arbeiten zur Entwicklungspsychologie*, III.)

[14]. Здесь и в ряде других мест на нашу терминологию влияет учение Чарльза Морриса. См. его *Foundations of the Theory of Signs*. *International Encyclopedia of Unified Science*, I, No. 2 (Chicago, 1938), 6-7; cf. his *Signs, Language, and Behavior* (New York, 1955), p. 217-220.

Синтаксические и семантические соображения, разумеется, невозможны без взаимосвязи с метафорой. Например, мы можем спросить: «Приводят ли различия в грамматических позициях к различиям в способе интерпретации метафор?», «Может ли одна и та же метафора проявиться в одной позиции более „радикально“, чем в другой?», «Существует ли оптимальное положение метафоры с точки зрения силы или долговременности впечатления или убедительности воздействия?». Возможно, исследование подобных вопросов может привести к развитию «синтаксической стратегии» метафоры, что будет интересно как практикам, так и теоретикам риторики. Точно так же к развитию «семантической стратегии» может привести изучение вопросов ясности и простоты понимания метафоры.

Для более глубокого изучения синтаксических позиций существования метафоры см. Stern, *Meaning and Change of Meaning*, and

Christine Brook-Rose, *A Grammar of Metaphor* (London, 1958).

[15]. См. Morris, *Signs, Language, and Behavior*, p. 17.

В более поздней и более точной формулировке, изложенной в лекции в Университете Флориды в октябре 1960 г., Моррис определил термин *толкование* как «склонность реагировать определенным образом на определенный объект».

[16]. Cp. Richards, *The Philosophy of Rhetoric*, p. 93. Даже с этой попыткой более точной дефиниции метафоры проблема ее отграничения от других фигур речи остается важной.

[17]. Однако может быть необходим отдельный комментарий для объяснения самостимуляции, когда оратор или писатель реагируют на свой стимул. В данной работе в процессе рассуждения мы прежде всего используем термины традиционной риторики, исходящей из того, что оратор выступает в роли направляющего стимулы аудитории, которая получает их. И все же теория самостимуляции несомненно основывалась бы отчасти на тех же, изложенных выше принципах.

[18]. Cf. Empson, p. 341; Paul Henle, "Metaphor," *language, Thought, and Culture* (Ann Arbor, 1958), p. 183.

[19]. Kaplan, p. 470; Henle, pp. 175, 181, 191.

[20]. См. Richards, *The Philosophy of Rhetoric* pp. 96-97; cf. Gregory, p. 260; Reiser, p. 211, etc.

[21]. О «содержании» (tenor) и «оболочке» (vehicle) см. Hugh R. Walpole, *Semantics* (New York, 1941), p. 155. Отмечаем, что наше использование термина «vehicle» несколько отличается от принятого у Ричардса (*Philosophy of Rhetoric*, pp. 96ff., etc.).

[22]. См. особенно Stern, p. 139-145.

[23]. "Mr. Pitt on the Abolition of the Slave Trade, Delivered in the House of Commons, April 2, 1792." Goodrich, *Selected British Eloquence* (New York, 1852), pp. 579-592, esp. 591-592.

[24]. Campbell, Bk. III, Ch. I, Sec. 2. Part 1.

[25]. Cf. Kaplan's discussion of "projected" characteristics, p. 471.

[26]. О других попытках графических изображений см. Stern, pp. 301-302; Manuel Bilsky, "I.A. Richards' Theory of Metaphor," *Modern Philology*, L (November 1952), 135.

[27]. Kaplan, p. 472.

[28]. Мы, конечно, не имеем в виду, что резолюция всегда или даже часто является столь очевидной и симметричной процессу, как это представлено на нашей диаграмме. Отклонения предполагаемой точки схождения или сомнения касательно обоснованности точки схождения может увеличить напряжение, а следовательно, вызвать замедление или искажение в интерпретации. С другой стороны, подтверждение точки схождения открытием новых возможностей может так же увеличить напряжение. Короче, к нашей диаграмме лучше относиться как к идеализированному или абстрактному описанию процесса резолюции, чем как к подлинной карте территории движения в любом представленном примере резолюции.

[29]. Отметим, что на начальной стадии, пока определители еще не использовались в попытке понять метафорическое значение, напряжение высокое. В завершении резолюции, с другой стороны, когда определители выполнили свою функцию, напряжение падает.

[30]. См. Richards, *The Philosophy of Rhetoric*, pp. 124-126; Herschberger, pp. 439-442; Stern, p. 307; Philip Wheelwright, *The Burning Fountain: A Study in the Language of Symbolism* (Bloomington, Ind., 1954), p. 106. Эта фигура речи – тетива лука – также упоминается Кеймсом (Chap. 20, Sec. 3).

[31]. Систематическое исследование этих гипотез посредством сравнительного изучения большого количества метафор, как они существуют в риторическом или других формах дискурса, лежит за рамками данной статьи. Однако предварительные выборочные изучения неофициального рода показывают, что подобного рода исследование допустимо.

[33]. *Rhetoric*, 1405b, 1410b, 1412a.

[33]. Об отличиях между риторической и поэтической метафорами см.: pseudo-Longinus, xv и Campbell, Book III, Chap. I, Sec. 2, Part 2, Par. 3.

Статью рекомендуют к публикации члены редколлегии А. П. Чудинов и Э. В. Будаев